

Линван ожидал, что Себель будет его дотошно экзаменовать, ведь их социальный статус с Жунмянем слишком разнился, да и сами они выглядели совсем юными. Они встречались всего год с небольшим — давать клятвы на всю жизнь после такого срока кажется легкомысленным.

Себель заметил сомнение в глазах Линвана и мягко пояснил: — Вы еще не достигли брачного возраста. У вас есть несколько лет, и если к тому времени вы всё еще будете хотеть быть вместе — что ж, так тому и быть. В конце концов, даже брак — не тюрьма, всегда можно развестись, если чувства остынут.

Жунмяню такая позиция папы очень понравилась, он обнял его за руку: — Точно! Если ты будешь плохо со мной обращаться, я подговорю всю семью тебя поколотить, а потом отомщу так, что на Императорской звезде тебе места не останется.

— Этого не случится, — Линван кашлянул, почувствовав холодок по спине.

Принесли еду. Линван ел быстро, но аккуратно. «Ест спокойно, значит, психологически меня не боится», — отметил про себя Себель. Он вспомнил о рекорде бывшего мужа и подумал, что человека с такой волей сложно напугать семейным обедом. Жунмянь же то и дело поглядывал то на папу, то на Линвана, почти не притрагиваясь к тарелке. Себель погладил его по голове: — О чем задумался? Ешь давай.

— Да так... Я думал, папа будет злиться, а всё проходит так мирно, — признался Жунмянь. Несмотря на внешнюю уверенность перед Линваном, внутри он всё равно переживал.

— Ты давно мне о нем рассказывал, я успел подготовиться. К тому же, он выдающийся юноша, у меня нет причин быть против, — изумрудные глаза Себеля светились добротой. — Вы оба S-класса, совместимость феромонов высокая. Пока я не увидел в Линване ничего, что могло бы мне не понравиться. Но, конечно, нам нужно больше общаться — нельзя судить о человеке после двух встреч.

— Папа, ты лучший! — Жунмянь обнял Себеля и потерся щекой о его щеку. — Ты совсем не такой, как этот... другой Чу, — не удержался он от шпильки в адрес отца. Себель лишь понимающе улыбнулся.

— Линван, какие у тебя планы на карьеру? — спросил Себель.

— Я хочу остаться работать на Императорской звезде. — Линван понимал, что Жунмянь — единственный сын, и родители не захотят его отпускать. К тому же, здесь перспектив гораздо больше. Это решение он принял еще в начале их отношений. Улыбка Себеля стала шире: — Правильно. Здесь больше возможностей, и мы сможем вам помочь. — Ты единственный ребенок в семье? — Себель, конечно, уже изучил всю подноготную Линвана, но из вежливости решил спросить лично. Линван честно рассказал о своей семье. Всё совпало с отчетами разведки, что добавило ему баллов в глазах декана.

После обеда Себель окончательно убедился в симпатии к юноше: отличник, ни одной интрижки за плечами, да еще и с боевыми наградами. — Мян-Мян тоже ни с кем до тебя не встречался. Отец его торопил, но ему никто не нравился. То, что вы друг у друга первые — это замечательно.

Себель всегда баловал сына. Найти «чистого» альфу в их кругах было непросто — золотая молодежь обычно вела весьма бурный образ жизни. Ван Юй был неплохим вариантом, но на фоне Линвана он проигрывал. У Ван Юя были отношения в школе, и хотя после теста на совместимость он ни на кого не смотрел, Жунмянь его просто не любил. К тому же Себель

замечал в том мальчишке излишнюю расчетливость. Раньше Ван Юй всегда дарил ему лучшие растения, и хотя Себеля это тяготило, он принимал это за детское внимание. Но стоило Жунмяню начать встречаться с Линваном, как подарки от Ван Юя прекратились. Себель не судил его, понимая, что тот либо соблюдает дистанцию, либо просто потерял интерес, раз нет шансов. Но осадочек остался.

В конце встречи Себель протянул Линвану красную коробочку: — Ты сделал мне подарок, и я, как старший, должен вручить тебе подарок в честь знакомства.

Линван опешил: — Спасибо, декан.

— Не хочешь открыть? Не уверен, угадал ли я с твоим вкусом.

Если бы не папа, Жунмянь уже давно выхватил бы коробку и вскрыл её сам. Он нетерпеливо ткнул Линвана локтем. Тот открыл коробку — внутри лежала серебряная брошь необычайной красоты.

— Мне очень нравится, спасибо, — Линван коснулся пальцами украшения.

— Я рад, — улыбнулся Себель.

Они вышли к парковке. Себель сел в свою машину: — Мне нужно за вещами и в аэропорт. Возвращайтесь сами.

— Счастливо, папа! — крикнул Жунмянь.

— Доброго пути, декан, — попрощался Линван.

Когда машина скрылась из виду, оба синхронно выдохнули и расслабились. Жунмянь шутливо воззрился на Линвана: — Значит, ты всё это время притворялся таким спокойным?

— А кто бы не боялся? У меня сердце в пятки уходило, — честно признался Линван. — Но и ты хорош! Оказывается, ты тоже папу побаиваешься, а строил из себя невесть что.

— Я не боюсь! Я просто переживал, понравиться ли ты ему. И разве я не был естественным? Ты разве не заметил, что я сегодня говорил в два раза меньше обычного? Я изо всех сил строил из себя благородного омегу!

Линван про себя подумал, что говорил он как всегда много, но спорить не стал. Вернувшись в башню, Линван бережно убрал брошь в чемодан, но не удержался, снова открыл коробку и провел по ней пальцем, улыбаясь своим мыслям. Жунмянь принес две порции десерта и, не найдя Линвана в гостиной, заглянул в гостевую спальню. Тот сидел на корточках перед чемоданом.

— Если тебе так нравятся броши, я могу подарить тебе еще десяток, — сказал Жунмянь.

— Дело не в броши. Это признание, — Линван покачал головой. — Кажется, декан одобряет наш выбор. Это само по себе делает меня счастливым.

Жунмянь зашел и сел на кровать. В этой комнате всегда царил идеальный порядок и свежесть. Он подпер лицо руками, глядя на альфу: — Так ты из-за этого такой довольный? Какой же ты милый.

Линван закрыл чемодан, поднялся и сел рядом. — Потому что это действительно важно. Я

очень хочу доказать всем, что ты не ошибся во мне. Но пока мне нечем это подтвердить — в глазах общества я всё еще «темная лошадка», перспективный, но не состоявшийся. Я до сих пор чувствую, что ничего не могу тебе дать, ведь пока это ты постоянно даришь мне подарки.

— Ты подарил мне столько любви, ты так добр ко мне и так искренен... Мне это очень нравится, — Жунмянь протянул руку и закрыл глаза Сюй Линваня; длинные ресницы альфы мягко щекотнули его пальцы. — Твои глаза говорят мне, как сильно ты меня любишь.

Сердце Сюй Линваня забилося как барабан, в голове словно взорвались тысячи фейерверков. Он низко рассмеялся: — Поймал ты меня, значит.

Жунмянь не ответил, лишь непонимающе моргнул. Его пальцы скользнули от глаз к щеке и без тени сомнения ущипнули ее. Линван воспользовался моментом, поцеловал его в губы и, обхватив за талию, увлек на кровать.

Он осторожно убрал золотистые пряди с лица омеги. Взгляд Жунмяня был сначала растерянным, но потом сменился притворным возмущением. Линван осыпал поцелуями его волосы, лоб, кончик носа, щеки и губы, спускаясь к подбородку и, наконец, к ключицам.

Его поцелуи были нежными, но обжигающими, лишенными прежней агрессии. Теплое дыхание коснулось задней части шеи Жунмяня, заставив его вздрогнуть всем телом и густо покраснеть. Тонкие волоски на макушке Линваня щекотали кожу омеги; альфа замороженно наблюдал, как белоснежная кожа за считанные секунды становится нежно-розовой.

— Я никогда не верил в совместимость феромонов, — прошептал Линван, уткнувшись в изгиб его шеи.

— Я знаю. Ты сказал это сразу, как узнал про наши 95%. Я тоже в это не верил, но твои феромоны мне не противны. Когда я в тебя влюбился, я даже не знал, как они пахнут.

Линван: — У нас очень высокий показатель, и это хорошо.

— Хорошо или нет? Ты говоришь какими-то загадками, — Жунмянь положил руки на шею Линваня.

Линван опустил голову: — Совместимость 100% — это «союз, предначертанный небесами». Это означает, что физическое и психологическое влечение становится непреодолимым. Это инстинкт, которому невозможно сопротивляться волей. Научный показатель для брака и деторождения, инструмент контроля... и в то же время глубочайшее спокойствие и слияние.

Жунмянь слушал затаив дыхание. Он знал, что так пишут в учебниках. Пары со стопроцентной совместимостью встречаются крайне редко.

— У нас всего 95%, — Линван заглянул ему в глаза и улыбнулся. — Мы не «предначертаны небесами». Мы оставили себе 5% свободы.

— Эти 5% значат, что мы можем отступить, а можем двигаться вперед сами. Это то расстояние, которое мы преодолеваем навстречу друг другу по собственной воле.

Линван снова поцеловал его: — Любовь по природе своей скупа. Я готов отдать эти 5%, чтобы они представляли все мои 100% сердца. У тебя больше нет этих пяти процентов — просто стой на месте и жди меня.

Горячий летний ветер пролетел за окном.

<http://bllate.org/book/16059/1442650>